

Мирослав Хмельницкий

Немой поневоле

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мирослав Хмельницкий

Немой поневоле

«Автор»

2026

Хмельницкий М.

Немой поневоле / М. Хмельницкий — «Автор», 2026

В твоей голове сидит убийца, он хочет чтобы ты видел, что он делает. Он заставляет тебя говорить то, что он хочет. Ты его кукла.

© Хмельницкий М., 2026

© Автор, 2026

Мирослав Хмельницкий

Немой поневоле

Глава 1. Допрос

Лампа гудела. Голая, без плафона, под потолком — обычная советская, на сто ватт. На стуле, ссутулившись, сидел робкий человек. Одет он был в мятый свитер, рукава вытянуты до самых пальцев, будто он пытался спрятать кисти от чужих глаз. Руки лежали на коленях, сцепленные в замок. Он почти не шевелился и лишь изредка косился на темный экран телевизора «Рекорд» в углу. Оттуда на него, не мигая, смотрела знакомая тень.

— Здравствуйте, Кузнецов. Я следователь Александр Павлович.

— Можно без формальностей, просто Данил, — тихо перебил человек.

— Хорошо, Данил. Но в протоколе вы всё равно Кузнецов.

Данил ничего не ответил. Он только повёл плечом, будто поправляя невидимый груз.

На столе — картонная папка с тесемками, кассетный диктофон «Электроника», стакан воды в подстаканнике. Следователь сидел напротив. Немолодой, грузный, в мятом сером костюме.

— Вас задержали по подозрению в причастности к серии убийств. Вы были на всех местах преступления и, по нашим данным, следили за работой милиции.

— Я не следил. Меня просто... тянуло туда.

— В каком смысле «тянуло»? Вы сами хотели там быть?

— Отчасти так и есть. Я... получал письма. Буквально везде, где бы я ни находился. Иногда даже на подушку, на которой спал. В них были адреса. Каждый адрес указывал на следующее место преступления.

Следователь вытащил из папки прозрачный пакет. Внутри лежал сложенный вдвое листок.

— Вот этот?

Данил прищурился.

— Да. Это он.

Следователь поднял глаза от письма. Взгляд его стал другим — не сонным, не простуженным, а цепким.

— Он? Вы сказали «он». Кто?

Данил сглотнул.

— Аким. Его зовут Аким. Мой бывший друг.

Следователь молчал. Он смотрел на Данила и ждал, когда тот начнёт объяснять сам.

— Он не просто убивает. Он забирает у жертв то, чего, по его мнению, у них никогда не было. Сердце. Он говорит, что они всё равно не умели им пользоваться. Я не могу объяснить. Если я скажу, вы решите, что я сумасшедший.

— Я уже так думаю, — спокойно ответил следователь.

— Тогда какая разница. Поедете на адрес — увидите тело. Обычное тело. А я увижу другое. И, может быть, тогда вы мне поверите.

Следователь помолчал, глядя на него.

— Вы болеете шизофренией?

Данил невесело усмехнулся.

— Может быть. Но я видел то, что видел.

Следователь перелистнул страницу.

— Расскажите про первый адрес. Рябиновая, девятнадцать.

— Я поехал сразу. Был вечер. Калитка открыта. Дверь тоже. Я вошёл. На кухне горел свет.

— Дальше.

— Там была женщина. Она сидела за столом, в халате. Голова запрокинута. Шея... — он запнулся.

— Задущена. Это есть в протоколе. Что вы увидели такого, чего не видно в отчете?

Данил поднял на него глаза.

— Я видел её. Увидел такой... сломанной. Искривленной. Будто её не убили, а сначала сломали изнутри.

— Сломали изнутри, — повторил следователь. — Это не то, что можно записать. Вы можете описать точнее?

— Нет. Не словами.

Следователь откинулся на стуле.

— И вы поехали по всем восьми адресам. И каждый раз видели то, чего не видел никто.

— Да.

— И не пытались остановить?

— Я пробовал. На третьем адресе. Подошёл к женщине, сказал: «Вам угрожает опасность». Она вызвала милицию. Меня задержали. А через два дня её нашли. Я уже сидел в участке, когда это случилось. Так что алиби у меня было. Но её это не спасло.

— Почему вы просто не уничтожили письма?

— Потому что это улика. Я понимал, что рано или поздно меня найдут. И тогда у меня будет доказательство, что я не убийца. Что меня просто вели.

— Или вы сами их писали, Кузнецов. Чтобы создать алиби заранее.

Данил невесело усмехнулся.

— Я знал, что вы это скажете. Он тоже знал. Он сказал: «Они подумают, что ты сумасшедший. Или убийца. Или и то и другое. Так даже лучше».

Следователь помолчал, глядя на него.

— Значит, он с вами разговаривает? Прямо сейчас?

— И сейчас тоже, — тихо ответил Данил.

— И давно?

— Я уже потерял счёт времени.

Следователь усмехнулся и покачал головой.

— Ладно. Оставим пока письма. Расскажите про него. Вы сказали — Аким. Кто он такой?

— Мой друг. Бывший друг. Мы выросли вместе.

— И всё?

— И всё. Больше я не хочу о нём говорить.

— А придётся. Вы сказали, что он убивает. Вы назвали его Акимом. Кто он?

Данил промолчал.

— Эти письма написаны Акимом или, может быть, кто-то другой писал их? — следователь подвинул пакет с письмом.

Данил поднял глаза.

— Славик. Был у нас один общий знакомый. Я его почти не знал. Но он всегда был рядом с Акимом. И мне кажется... это его рука. Я не до конца уверен, думаю, вам нужно с ним провести допрос.

— Почему вы так думаете?

— У него был блокнот. Он вечно что-то записывал. Я не знаю, что там было. Но он всегда был рядом с Акимом. Особенно после того, как Аким отдалился от всех.

— После чего?

Данил снова замолчал. Ему было трудно говорить. Он смотрел в стол, и пальцы его медленно сжимались в замок.

— После одного случая. Я не знаю точно, что произошло. Меня там не было. Это случилось с ним и со Славиком. После этого Аким перестал быть собой.

— Вы говорите так, будто он изменился.

— Изменился? Нет. Он сломался.

В комнате повисла тишина. Следователь не перебивал.

— Хорошо, — произнес он наконец. — Оставим это. Что вы ещё знаете о Славе?

— Почти ничего. Я его не знал. Мы учились вместе, но не общались. Он всегда был сам по себе. Я только помню, что после того случая он стал ещё тише. И старался не смотреть мне в глаза.

— Вот как.

Следователь откинулся на стуле. Потом спросил спокойно:

— После этого вы видели Акима?

— Нет. Но он начал мне сниться. И ещё... я начал его видеть. Не во сне. Наяву. В отражениях. В зеркалах, в лужах, в стёклах машин. Он всегда стоит за моим плечом. Смотрит. Иногда улыбается. Иногда шепчет.

— Что шепчет?

— Разное. Подсказывает. Поправляет. Иногда говорит, что я вру, и я сам начинаю верить, что вру. А иногда наоборот — вкладывает в голову слова, и я их произношу, не понимая, чьи они.

— Как сейчас?

Данил покосился на тёмный экран телевизора в углу.

— Как сейчас. Он стоит за вами.

Следователь не обернулся.

— Вы думаете, это галлюцинация?

— Я не знаю. Но он является каждую ночь. Сидит на краю кровати. Я чувствую, как матрас продавливается. Но если зажечь свет — никого. Только запах. Мята и сырая земля.

— И вы верите, что он настоящий?

— Я верю, что он хочет, чтобы я пришёл. Он всегда оставляет след.

— Какой след?

— Кровавый. От тела. Он начинается там, где лежит жертва, и тянется наружу. Я иду по нему. И каждый раз он приводит меня к живому человеку. Тот ещё не знает. Но я-то знаю. Я вижу, у чьих ног обрывается след. И я могу только смотреть.

Следователь побарабанил пальцами по столу.

— Почему вы не сказали об этом раньше?

— Потому что вы бы решили, что я сумасшедший.

— Вы уже доказали это.

— Да. Но теперь у вас есть новый адрес. «Улица Липовая, семь. Завтра в десять вечера». Я знаю, что он лежит у вас в папке. И я знаю, что там будет тело.

Следователь молчал.

— Я поеду с вами, — сказал Данил. — Неважно, против вы или нет. Даже если я не захочу там быть, я окажусь там. Так уже было. Все восемь раз. Лучше пусть это будет по-вашему. Под контролем.

Следователь медленно поднялся.

— Допрос окончен, Кузнецов. Пока.

Он вышел и плотно закрыл дверь. Через минуту дверь снова открылась — конвоир. Он поднял Данила за локоть и повёл обратно в камеру. Там он вышел, заперев дверь.

Данил остался один. Лампа снова загудела. Он сел на койку, вытянул руки. Потом медленно поднял взгляд на темный экран телевизора в углу.

Там, в мутном стекле, фигура стояла за его плечом. Улыбалась. Помахала пальцами.

— Отработал на троечку, наболтал лишнего, — прошептал голос прямо в ухо. — Но ты молодец! Теперь они поедут за Славиком, и мы все будем в сборе. Как раньше.

Данил закрыл глаза. Ему очень хотелось заплакать, но слез не было. Он не помнил, когда в последний раз плакал.

Глава 2. Вспомнить всё

Ночь. За окном шёл дождь. Данил сидел, держась за голову, и пытался что-то вспомнить. Перед ним мелькнули глаза — зрачки были настолько узкими, что казались точками. Данил отвернулся, и они пропали, но тут же послышался знакомый детский хохот и слова:

— Смотрите! Этот дебил опять упал! Ну и урод этот Аким.

Данил вспомнил себя в тот момент: он стоял поодаль, смешавшись с толпой. Перед ним проносились обрывки воспоминаний. Он услышал голос:

— Никому не говори. Понял?

Данил моргнул и вдруг оказался перед дверью. Он постучал.

— Аким? Ты дома? — спросил Данил.

— Заходи.

Дверь со скрипом открылась. Данил вошёл внутрь. Квартира была полностью разгромлена, повсюду раскиданы какие-то бумажки. Данил прошёл дальше и увидел на полу разорванную фотографию. На ней стояли в обнимку два друга — они держали небольшую рыбку, пойманную на самодельную удочку. С тех пор прошло так много времени, что трудно было поверить, будто когда-то это были Аким и Даня.

Данил прошёл в гостиную. За столом сидел Аким и смотрел в пустоту.

— Аким, что произошло? Почему у тебя дома такой бардак? Почему наша фотография лежит на полу разорванная?

— Да так... лучший друг предал, — Аким усмехнулся, но глаза остались пустыми.

— К чему ты клонишь? Я же не думал, что всё вот так.

— Вот именно. Ты даже не подумал обо мне. Ты... Ладно, лучше давай попьем чаю.

— Что? — спросил Данил.

— Я не хо...

— Тебе стоит попить этот чай, — перебил Аким.

После этого Аким направился на кухню. Данил сидел и просто ждал.

Аким вернулся с кружкой и поставил её на стол перед Данилом.

— Слушай, Аким...

— Попей чай, потом скажешь, — снова перебил Аким.

Данил взял кружку, принялся. Чай пах слишком странно, будто туда что-то подсыпали. Данил посмотрел на Акима. Тот смотрел не в глаза, а куда-то дальше. Его зрачки сузились до точек. Данил побоялся что-либо говорить.

Он сделал глоток. Вдруг голова начала сильно болеть.

— Ну, Даня, что ты мне хотел сказать? Наверняка что-то важное? — спросил Аким, ожидая ответа.

— Я не могу сейчас говорить, голова разболелась. Давай я потом зайду к тебе.

Данил бросился к выходу. Уже у двери он услышал голос:

— Даже сейчас извиниться не смог. Ничего... Ничего.

Как только Данил взялся за ручку двери, он открыл глаза. Вокруг была камера. За окном всё ещё шёл дождь. Голова болела. Данил не знал, было ли это воспоминанием или очередной галлюцинацией.

Глава 3. Владислав Плотников

Плотникова привели под вечер. Он вошёл в кабинет неторопливо, огляделся с лёгким любопытством — так, как оглядывается человек, который никогда не бывал в милиции и не ждёт ничего плохого. Следователь Александр Павлович отметил про себя: не дёргается, не нервничает. Либо чист, либо очень хорошо держится.

— Садитесь.

— Спасибо.

Плотников сел ровно, положил руки на стол — свободно, не сцепляя. Взгляд его скользнул по лицу следователя и ушёл в сторону. Не от страха. От привычки.

Следователь включил кассетный диктофон.

— Ваше полное имя?

— Плотников Владислав. Отчество не обязательно, я думаю.

— Вы знаете, почему вас вызвали?

— Догадываюсь. Наверное, это связано с убийствами. В городе только об этом и говорят.

— Верно. Вы знали кого-нибудь из жертв?

— Нет. Я читал имена в газетах, но никого не узнал.

— Вам знакомо имя Аким?

Плотников чуть нахмурился. Пауза — ровно такая, чтобы изобразить работу памяти.

— Аким? Хм. Редкое имя. Нет. Не припоминаю.

— Данил Кузнецов утверждает, что вы, он и Аким учились вместе. Что вы были другом Акима.

Плотников поднял брови.

— Данил Кузнецов? Да, был такой в школе. Мы учились вместе, кажется, класса до девятого. Но мы почти не общались. Он был сам по себе, я сам по себе. А Аким... — он сделал ещё одну паузу, будто роясь в памяти. — Нет. Не помню такого.

— Кузнецов говорит, что вы всё время были рядом с Акимом. Что вы что-то записывали в блокнот.

Плотников моргнул. На его лице появилось выражение искреннего, почти сочувствующего недоумения.

— Блокнот? Я не очень понимаю, о чём речь. Я, конечно, мог записывать какие-то заметки — учёбу, расписание. Но я не помню никакого Акима. И уж тем более я не был его другом.

— Странно. Кузнецов описал вас довольно точно. И он утверждает, что после одного случая с вами Аким изменился. Перестал общаться. Замкнулся.

Плотников развёл руками.

— Данил Кузнецов... я слышал, у него были проблемы. Психического характера. Это он сказал вам про меня? Я конечно понимаю, но я бы не стал верить человеку, болевшему шизофренией.

Следователь не ответил.

— Понимаете, — продолжил Плотников, — если он вам рассказал про какого-то Акима и про меня, это... ну, как бы сказать. Я не хочу никого обидеть, но у человека могут быть

галлюцинации. Мне очень жаль, что вы потратили время. Я готов помочь, чем смогу, но я просто не знаю, о ком речь.

Следователь помолчал, перелистнул страницу.

— Вы избегали контактов с милицией. Вас задерживали на улице — вы не смотрели в глаза сотрудникам. Почему?

Плотников вздохнул — легко, почти извиняясь.

— Я... не очень комфортно чувствую себя, когда на меня смотрят. И когда я должен смотреть в ответ. Это не преступление.

Следователь помолчал, перелистнул страницу. Плотников воспользовался паузой и добавил — негромко, почти себе под нос:

— Люди не любят тех, кто не похож на них. Это... жизненное наблюдение.

Следователь поднял голову.

— Что вы сказали?

— Ничего важного. Просто мысль вслух.

Следователь записал что-то в блокнот. Плотников проводил взглядом его ручку и чуть заметно поморщился — на долю секунды. Потом лицо его снова стало спокойным.

— Вы знали, что Аким мёртв?

Впервые Плотников поднял глаза почти до уровня глаз следователя. Почти. Не совсем. На секунду его лицо стало неподвижным — ни удивления, ни испуга. Просто маска. Потом он снова расслабился.

— Я не знаю, кто такой Аким. Мне жаль, что он умер. Но я к этому не имею никакого отношения.

— На сегодня всё. Вы свободны. Но мы вызовем вас повторно, если появятся вопросы.

Плотников встал. Он не суетился, не спешил. У двери он обернулся — на секунду, не больше.

— Если Данилу нужна помощь... я могу дать контакты хорошего специалиста. Не в обиду ему. Просто... если человек видит то, чего нет, это лечится. Если, конечно, он хочет лечиться.

Он вышел.

Следователь остался сидеть. Перед ним лежал листок с образцом почерка Плотникова. Он смотрел на него долго. Потом убрал в папку и закрыл её. Плотников не оставил ни одной зацепки. Ни одной ошибки. Кроме, разве что, одной фразы — «Люди не любят тех, кто не

похож на них». Она звучала слишком знакомо. Словно эхо того, что уже было сказано где-то раньше.

Глава 4. Коридор

Плотников вышел из кабинета и неторопливо двинулся к выходу.

В ту же минуту с другого конца коридора вели Данила. Он шёл, глядя под ноги, и думал о том, что сказал на допросе. О том, что сболтнул лишнего. О том, как Аким смотрел на него из тёмного стекла.

Они пересеклись у поворота.

Плотников не поднял глаз. Он прошёл мимо, как проходят мимо незнакомцев в очереди — без интереса, без тени узнавания. Только воздух колыхнулся. И запах — слабый, почти неуловимый. Не одеколон. Что-то другое. Что-то из прошлого.

И в этот момент — голос. Тихий, без интонаций, почти механический:

— Он лжец.

Данил замер. Конвоир дёрнул его за локоть, но он не двинулся.

— И ты лжец. И свидетель. Нет идеальных людей. Ты ищешь виноватого, но вина — это не монета, чтобы её можно было отдать другому.

Данил смотрел в спину Плотникову и ждал продолжения. Голос молчал. Не шутил. Не издёвничал. Просто констатировал, как врач, который зачитывает диагноз.

— Он точно лжёт? — прошептал Данил.

Конвоир покосился на него.

— Ты чего?

Данил не ответил. Он ждал.

Голос ответил не сразу. И когда ответил, в нём не было ни тепла, ни злобы — только холодная ясность:

— Я не знаю, кто он. Я знаю только тебя. А ты всегда сомневаешься. Вот и сейчас сомневайся. Это твоя работа.

Плотников обернулся.

На секунду. Всего на одну секунду. Конвоир уже тянул Данила дальше, но эта секунда растянулась, как резина.

Данил увидел его глаза. Не на переносице, не мимо — прямо в свои. Холодные. Без страха. Без вины. Но и без невинности. Так смотрит человек, который знает больше, чем говорит. Который всё понимает. Которому не нужно ничего доказывать.

И ещё — лёгкая, едва заметная улыбка. Краем рта. Почти случайная. Но не случайная.

Плотников отвёл взгляд и исчез за поворотом.

Конвоир дёрнул Данила сильнее.

— Шагай давай. Чего встал?

Данил пошёл. Ноги двигались сами. В голове звенела тишина — голос ушёл, но оставил после себя пустоту, и эта пустота была хуже любых слов.

Он думал о том, что только что видел. О глазах Плотникова. О его улыбке. О том, что сказал голос: «Вина — это не монета». И о том, чего голос не сказал. Аким ничего не подтвердил. Он просто бросил Данила в сомнениях, как бросали в детстве — одного, без подсказки, без поддержки. Выбирайся сам.

— Ты слышал? — прошептал Данил, когда они подошли к двери камеры.

Конвоир отпер замок.

— Что?

— Ничего.

Дверь закрылась. Данил сел на койку и уставился в стену. На душе было мутно. Он обвинил человека. Возможно — невиновного. Возможно — виновного. Но теперь он уже не знал точно. И эта неуверенность была тем ядом, который Аким влил в него вместе с чаем много лет назад. Ядом, который продолжал действовать.

Глава 5. Выезд на Липовую, 7

Допрос закончился. Следователь вышел, хлопнув дверью, и в кабинете повисла тишина. Данил остался сидеть, глядя в стену. Он знал, что будет дальше: его отведут в камеру, запрут, а завтра, в десять вечера, он всё равно окажется на Липовой, семь — с милицией или без. Так было всегда.

Он ошибся.

Дверь открылась через час. Следователь стоял на пороге. Без папки, без диктофона. В руке — только ключи от машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.